

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА 2022 Г. ЧАСТЬ I

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

Конец 2021 года ознаменовался серией юбилейных изданий, приуроченных к 30-летию распада СССР и независимости Казахстана. Это работы Ф.Старра и С.Корнелла, а также ряд коллективных изданий, увидевших свет в Москве и планируемых быть изданными в различных столицах на базе юбилейных конференций, организованных и проведенных посольствами РК за рубежом. В данных мероприятиях активно участвовали зарубежные исследователи и специалисты по Центральной Азии и Казахстану.

Трагические события в январе 2022 г. в Алма-Ате и других регионах Казахстана показали, что наша республика по-прежнему находится в зоне соперничества крупных геополитических актеров и конфронтации между Россией и т.н. коллективным Западом. Вокруг событий в Казахстане и их трактовки разгорается острое идеологическое противостояние.

В ходе наших предыдущих обзоров мы неоднократно упоминали книгу «Поколение Назарбаева» (под ред. М.Ларюэль). Основная идея этой коллективной монографии состояла в том, что в эпоху Президента Н. Назарбаева в стране выросло новое поколение креативных, образованных и талантливых молодых людей, освоивших передовое западное образование и новейшие информационные технологии. Однако январские события продемонстрировали, что есть и другое «поколение Назарбаева», состоящее из маргинальных, малограмотных, религиозных, зачастую обездоленных и озлобленных людей.

Starr S. Frederick, Cornell Svante E. Strong and Unique: Three Decades of U.S.-Kazakhstan Partnership. Prefaces by Amb. Erzhan Kazykhan and Richard Hoagland. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2021. – 226 p.

«Прочные и уникальные: три десятилетия американо-казахстанских отношений» – так назвал свое новое издание тандем из бывшего и действующего директоров Института Центральной Азии и Кавказа

при Ун-те Дж.Хопкинса проф. Фредерика Старра и Сванте Корнелла. Первая глава монографии «Драматическое начало» посвящена, как и следовало ожидать, судьбе ядерного арсенала на территории РК после распада СССР и реализации Договора СНВ.

В начале главы авторы делают экскурс в историю советского Казахстана, отметив при этом, что еще в 1986 г. англоязычная публика имела возможность познакомиться с казахской историей благодаря книге Мар-ты Олкотт «Казахи» (в первом издании).

Естественно, не остались незамеченными среди советологов события декабря 1986 г. в Алма-Ате. В главу включен также сюжет по энергетической дипломатии (имеется в виду разработка каспийской нефти с привлечением западных и американских концернов). При решении ядерной проблемы основную роль сыграли президент Дж.Буш и госсекретарь Дж.Бейкер, которые оба встречались с Н.Назарбаевым до и после обретения независимости. В дальнейшем продолжать эту политику выпало администрации У.Клинтон и А.Гора. Договоренности по СНВ-1 и разработке тенгизской нефти стали, по выражению авторов «солидной основой» для дальнейшего развития двусторонних отношений. К моменту становления Казахстана на политической карте мира как суверенного и независимого государства «казахи и американцы уже не были чужими друг другу».

Вторая глава «Ускорение взаимодействия» охватывает период 1990-х гг. вплоть до драматических событий 11 сентября 2001 года. В этой главе политика США в отношении РК рассматривается в контексте всей американской стратегии в Центральной Азии. При Клинтоне она приобретает все более антироссийский характер, чтобы не допустить реинтеграции региона и всего постсоветского пространства. На концептуальном уровне это выразилось в борьбе эвфемизмов – американского «новые независимые государства» против российского «ближнего зарубежья». Составной частью стратегии стало вовлечение республик региона в программу НАТО «Партнерство во имя мира». Авторы отмечают, что стратегия подверглась критике со стороны З.Бжезинского. В данный период происходит рост международного авторитета Казахстана, который участвует в работе Шанхайской пятерки, инициирует создание Евразийского Союза, выступает за усиление интеграции в ЦА, инициирует созыв СВМДА и приходит к необходимости проведения сбалансированной «многовекторной» внешней политики. По их мнению, именно в этот период складывается прочный и долгосрочный тандем Н.Назарбаева и К.Токаева – его будущего преемника.

В результате своей нефтегазовой политики Казахстан оказался вовлечен в геополитические игры вокруг строительства

трубопровода (БТД) и создания коридора Восток-Запад (в обход России). Но ядром стратегии США стала активная поддержка внутривнутриполитических реформ в РК в целях демократизации политической системы, что заложило мину под двусторонние отношения на будущее. Не спасла положение «Хартия о стратегическом партнерстве», подписанная вице-президентом А.Гором. Ситуацию выправил визит Х.Клинтон к Н.Назарбаеву в 1997 г. Однако после прихода к власти республиканской администрации Дж.Буша и взятие ею на вооружение доктрины открытой поддержки цветных революций (в духе борьбы за свободу) произошло, по выражению авторов, «завершение эры» в казахстанско-американских отношениях.

В третьей главе «Изменение приоритетов» рассматривается период с 2003 по 2012 гг., когда происходит сближение РК с США и НАТО в связи с антитеррористической кампанией в Афганистане и в тоже время нарастание противоречий в сфере подталкивания Вашингтоном т.н. «демократических реформ». На этом этапе ключевым элементом стратегии Астаны в сфере безопасности стало участие в ШОС. В 2003-2008 гг. происходит падение уровня отношений между двумя государствами и усиление позиций Китая в регионе при активизации политики ЕС. Доктрина администрации Б.Обамы «Новый шелковый путь» не принесла ожидаемого эффекта. Казахстан твердо встал на путь создания Евразийского Союза.

Следующая глава «В поисках новых возможностей» посвящена противоречивой и непоследовательной политике администрации Б.Обамы, в том числе в связи с ростом угрозы Казахстану со стороны радикального исламизма. По мнению авторов, определяющим фактором для казахстанско-американских отношений стал финансово-экономический кризис 2008 г. Небольшим прорывом в отношениях стала антиядерная политика Б.Обамы, которую активно поддержал Н.Назарбаев. Но Вашингтон скептически отнесся к важному для Астаны проведению саммита ОБСЕ в 2010 г., хотя и направил для участия в совещании госсекретаря Х.Клинтон. Стороны не нашли полного понимания в отношении событий 2014 г. на Украине и в Сирии в 2015 г. В этот

период основной задачей казахстанской политики стала минимизация для себя ущерба от ухудшения отношений своих великих соседей РФ и КНР с Западом. Но приоритетом для Вашингтона оставалась политика в области прав человека, что постоянно омрачало отношения с Астаной. На завершающем этапе администрация Б.Обамы совершает переход в своей афганской политике с участием стран ЦА от Нового Шелкового пути к формату C5+1. Астана с энтузиазмом подержала данную идею.

Пятая глава, охватывающая заключительный этап двусторонних отношений с 2015 по 2021 гг., отражает новые подходы и фундаментальный пересмотр сторонами своих отношений. Во многом это стало возможным геополитическим сдвигам глобального масштаба. К ним авторы относят последствия мирового кризиса 2008-2010 гг., развертывание китайского и российского проектов интеграции Евразии, ускоряющийся уход из Афганистана сил антиталибской коалиции, возобновление кооперации в Центральной Азии с приходом к власти нового лидера в Ташкенте. На этом этапе произошло знаменательное событие – уход с поста президента Н.Назарбаева. Авторы уверены, что приход к власти К.Токаева резко ускорил процесс демократизации в республике. Администрация Д.Трампа в 2020 г. разработала собственную стратегию в ЦА. Как утверждают авторы, главным препятствием для углубления сотрудничества с США является растущая зависимость РК от России и Китая. На тактическом уровне сказалось различие подходов во внешней политике: США делали ставку на принцип *ad hoc* (скоротечных коалиций по случаю), то Казахстан, следуя своей доктрине балансирования, нуждался в долгосрочных стратегических отношениях. В 2018 году состоялась последняя встреча президента Н.Назарбаева с действующим тогда президентом США Д.Трампом.

Заключение монографии посвящено в основном историко-географическим различиям между США и Казахстаном. В тоже время подчеркивается, что обе стороны старались избежать зависимости от ядерной и углеводородной составляющих. Американская сторона сделала ставку на новое поколение, свободное по ее мнению, от советского мировоззрения. Но традици-

онная элита РК старалась и в новых условиях сохранять баланс в своих отношениях с РФ, КНР и США. Авторы подчеркивают, что отношения между США и Казахстаном выходили за рамки т.н. *Realpolitik*. И в этом, как отмечают авторы, лежит заслуга первого президента Н.Назарбаева. Авторы заключают, что Казахстан остается главным действующим фактором в новой ситуации, сложившейся после ухода США из Афганистана. В целом, американская сторона делает ставку на новое поколение, воспитанное на новых стандартах и образовательных схемах.

Таким образом, данная монография не только освещает отношения Казахстана с США, но и проливает свет на многие аспекты внешней политики РК за прошедшие тридцать лет. То есть, данное издание является вкладом в историографию Казахстана новейшего времени, т.к. оно выходит далеко за рамки поставленной проблемы, а затрагивает практически все аспекты внешней политики Казахстана за прошедшие 30 лет.

Cornell Svante E., Starr S. Frederick, Barro Albert. Political and Economic Reforms in Kazakhstan under President Tokayev. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2021. – 103 p.

Этот коллектив в составе проф. Ф.Старра и С.Корнелла (плюс А.Барро) также подготовил работу «Политические и экономические реформы при Президенте Токаеве», посвященную начавшейся более двух лет эпохе правления второго президента РК, преемника Елбасы Н.Назарбаева. Авторы делают весь материал на четыре блока. К экономическому они относят следующую проблематику: зависимость от природных ресурсов и вытекающая из этого необходимость модернизации экономики; старт экономических реформ в посланиях президента 2020 и 2021 гг. (авторы сравнивают это с факелом, который зажег новый глава государства). Основные направления модернизации – это аграрный сектор и промышленное производство, а также информационно-техническая сфера. Далее следуют развитие транспорта и создание новой инфраструктуры. Модернизация включает в себя также налаживание порядка в систе-

ме управления госсектором и поддержку малого и среднего бизнеса.

Второй блок посвящен гуманитарной сфере. Сюда авторы относят верховенства закона, прав женщин, свободу собраний, мнений и СМИ, религии. Политический блок реформ разделен на направления: укрепление парламентаризма и местного сопротивления. К ним примыкает правовая реформа и обширный комплекс антикоррупционных мер, подразумевающий опору на международное сотрудничество, укрепление институтов общественного контроля, преследование коррупции в публичном и частном бизнесе, предупреждение проявления коррупции в юридической и законодательной области.

Авторы отмечают, что лидеры Казахстана всегда имели амбициозные планы в отношении будущего своей страны – достаточно вспомнить такие программы как Казахстан-2030 и Казахстан-2050, Нурлы Жол и ряд других. Реформы фактически стартовали с неожиданной для многих передачи власти от Н.Назарбаева К.Токаеву в марте 2019 г. Для их реализации новый лидер создал важный инструмент – Национальный Совет общественного доверия, призванный мобилизовать на пути реформ ресурсы официальной власти и гражданского общества. Прежняя формула, которой руководствовался Н.Назарбаев на протяжении десятилетий – «сначала экономика, только потом политика», как стало ясно к 2015 году, перестала действовать и необходимость политических реформ стала очевидной. В тоже время стала очевидной и необходимость экономической трансформации Казахстана.

Подводя итоги, авторы делают вывод, что широкомасштабная программа реформ, провозглашенная К.Токаевым, задумывалась как краеугольный камень его президентства. Это стало возможным благодаря достижению (по прошествии трех десятилетий) всеобщего консенсуса между казахстанскими элитами в понимании их необходимости. Исчезновение саботажа попыток реформирования облегчало их проведение. Но решающим фактором стали массовые ожидания таких реформ среди широких слоев населения.

Но у казахстанских реформ существует международный и геополитический кон-

текст, т.к. внутренние реформы в РК способствуют интенсификации регионального сотрудничества в Центральной Азии. Они также контрастируют и тем самым вызывают соответствующую реакцию у крупных соседей – Китая, России Турции, двигающихся, как утверждают авторы, в противоположном направлении. Но казахстанские реформы протекают не в вакууме, а коррелируют с аналогичными процессами в Узбекистане. Тот факт, что оба крупнейших государства региона встали на путь схожих реформ одновременно и в дружеской атмосфере, имеет важное значение для всей Центральной Азии.

Но самый последний вывод исследователей является индикатором понимания ими происходящего. Они считают, что т.н. «друзья Казахстана» должны поддержать процесс реформ. Они не называют этих неких друзей, но предполагается, что это могут быть страны Запада (США и ЕС) и международные финансово-экономические институты, а также организации, опирающиеся на международные соглашения экологического характера (например, навязанная Казахстану Брюсселем концепция «зеленой экономики»). В случае, если реформы затронут оборонную сферу, таким институтом может быть НАТО. То есть, авторы видят исход реформ в РК в основном через призму интересов Запада и противопоставление ставшего на путь «демократизации» Казахстана (а также возможно Узбекистана) авторитарным соседям и партнерам, которые были озвучены выше. В этом случае концепция книги становится ясной.

В заключение добавим, что авторы практически не упоминают о пандемии коронавируса, с которой К.Токаев был вынужден столкнуться на первом же году своего президентства. Однако именно эта принявшая опасные размеры эпидемия во многом затормозила провозглашенные реформы. В экономической области это был прямой удар по бюджету страны, торможение экономического роста и нарушение устоявшихся торгово-экономических связей. В политической сфере пандемия вынудила нового лидера вместо объявленной либерализации принять на себя (временно) в целях более эффективного управления и контроля над распространением заболевания фактически диктаторские полномочия. Однако цели оставались

прежними, были проведены парламентские выборы и в дальнейшем ситуация более или менее стабилизировалась.

Центральная Азия: 30 лет независимости. Специальный доклад. – М.: Эксперт, 2021. – 140 с.

Среди «юбилейных» изданий заслуживает внимания специальный доклад журнала «Эксперт» «Центральная Азия: 30 лет независимости». В работе над докладом принимали участие ведущие политологи, социологи и экономисты, специализирующиеся на проблематике данного региона из России, США, Китая, Индии и др. Его авторы проделали огромную работу, собрав большую статистику и обширный фактографический материал, дополнив все это воспоминаниями непосредственных участников исторических процессов тех лет, а также мнениями авторитетных специалистов. В итоге получился подробный и вместе с тем наглядный анализ сложных и противоречивых событий минувшего тридцатилетия, вписанных в локальный и глобальный контекст.

После распада СССР большинству новых государств Центральной Азии эксперты предрекали хроническую бедность, хаотизацию и дезинтеграцию. Для качественного анализа авторы проекта выбрали лозунг: геэкономика важнее геополитики. В основу своего анализа они положили следующие тезисы. Центральная Азия больше остальных зависела от Москвы и от плановой экономики, а потому пертурбации в этом регионе вызывали особое беспокойство. Государства состоялись и зафиксировали новые национальные идентичности. Преодолели межэтнические и межконфессиональные распри. Экономические системы хоть и выглядят в отдельных странах архаично, но в целом позволяют им функционировать. А локомотивы региона встают на рельсы индустриализации и модернизации, вобрав и перенаправив в бюджет своего развития многие бонусы эпохи глобализации.

Столь разные политические системы пяти центральноазиатских государств объединяет важное качество, не всегда ценимое наблюдателями и дипломатами, особенно в странах западной демократии. Разная скорость либерализации общественной и по-

литической жизни была обусловлена первичной задачей сохранения стабильности и безопасности государств с учетом местных традиций и состояния общества. И только сплотив общество и национально-ориентированные элиты, можно было затевать модернизационные спринты.

Изучая тридцатилетнюю историю центральноазиатских стран, вполне можно написать учебник с несколькими концепциями построения государственности и экономических систем. Казахстан и Кыргызстан выбрали «экстравертную» концепцию развития и либерализацию своих экономических систем. «Интроверты» Узбекистан и Туркменистан придерживались всестороннего изоляционизма. Но Ашхабад остался на этом пути и сегодня, а Ташкент, стабилизировав внутреннюю ситуацию, развернулся в сторону большей открытости и экономической активности. Ищет свой путь и Таджикистан: эта страна сильнее всего пострадала от гражданской войны.

На будущее Центральной Азии будут влиять и острее проблемы, которые закладывались не один год: бурный рост населения и «молодежный бугор», исламизация, истощение моделей ресурсных моноэкономик, энергопереход, экологические проблемы, дефицит воды и т. д. Однако сегодня Центральная Азия — один из ключевых регионов мира, в котором концентрируются глобальные торговые маршруты, инфраструктурные проекты, переплетаются интересы мировых держав. Экономическое здоровье этого региона имеет ключевое значение и для глобальной безопасности. Это невероятный потенциал, который местные державы могут реализовать при должной политической воле и удачной международной конъюнктуре.

За тридцать лет независимости произошел окончательный разрыв с советским прошлым. Государствам Центральной Азии пришлось выстраивать самостоятельные отношения не только с Москвой, но и с Пекином, Вашингтоном, Брюсселем и другими столицами. Конечно, Центральная Азия будет оставаться в сердце треугольника Китай — Россия — исламский мир при непременном участии четвертого игрока — США, желающих регулировать отношения с каждой из сторон треугольника. В эпоху усиления конфронтации и новой холодной

войны такое положение чревато многими рисками, тогда как предыдущая эпоха глобализации, напротив, приносила только выгоды.

Казахстану удалось избежать внутренних конфликтов, выстроить крепкие государственные институты и обеспечить экономическую стабильность, и это открывает стране уверенное будущее. К решению этой задачи страны Центральной Азии подошли по-разному. Одни, как Таджикистан и Туркменистан, предпочли набирать управленческие кадры прежде всего по принципу личной преданности главе государства. Другие, как Узбекистан, формировали элиту на основе кланового принципа. Третьи (Кыргызстан), где высшая власть несколько раз переходила от клана к клану, по сути, пустили процесс на самотек. На этом фоне лишь Казахстан взял за основу системный подход к выращиванию управленцев новой генерации, опираясь в том числе на опыт Сингапура.

В Туркменистане и Узбекистане пытались восстановить советскую вертикаль управления с элементами «восточной специфики». Это казалось их руководством лучшим ответом на возникшие вызовы. Но это же фактически законсервировало их экономики на долгие десятилетия. В Кыргызстане власти попытались использовать политическую и экономическую либерализацию позднего СССР в качестве основы для сбалансированной модели развития — но тоже с собственной спецификой. В конечном счете, этот выбор и привел в последующем к трем революциям. В то же время в Казахстане смогли совместить строительство сильного и эффективного государства с рыночными реформами и общей линией на модернизационное развитие страны.

Спустя 30 лет объективные макроэкономические индикаторы, такие как, в частности, динамика и уровень душевого ВВП по ППС, показывают реальные результаты. Кыргызстан и Таджикистан, не сумев вовремя справиться с внутренней нестабильностью, показали близкий к нулю прирост данного показателя. Узбекистан и Туркмения смогли его удвоить, а Казахстан — увеличить в 2,5 раза. И этот результат, разумеется, не остался незамеченным авторами. Анализ того, как именно Казахстан смог диверсифицировать экономику,

создать с нуля новые отрасли промышленности и занять место регионального финансового центра, уделено немало места на страницах спецвыпуска. Если говорить об этом тезисно, то ключевыми факторами казахстанского успеха выступили, во-первых, опора на стратегическое видение: первая в СНГ долгосрочная стратегия развития была принята именно Казахстаном — еще в 1997 году. А во-вторых, четкое следование институциональному подходу при проведении реформ при опоре на лучший мировой опыт построения необходимых институтов.

Казахстан стал пионером в создании экономических институтов, необходимых для переходных экономик. Достаточно сказать, что суверенный фонд, аккумулирующий экспортные сверхдоходы, и система государственных институтов развития были созданы в Казахстане раньше, чем в России. Также страна одной из первых провела бюджетную реформу с разграничением полномочий и ресурсов по уровням бюджетной системы, а также перешла к таргетированию инфляции центральным банком, что является сегодня новаторской практикой.

К исходу второго десятилетия XXI века экономические реформы в Казахстане приобрели ярко выраженный социально ориентированный характер: их результатом стало сокращение неравенства и улучшение положения широких слоев населения. Казахстан стал единственной страной в Центральной Азии, где все эти годы шел процесс урбанизации. Столь же уникальным оказался и опыт крупного урбанистического проекта — создания новой столицы Астаны.

Авторы проекта, рассматривая каждую из республик региона в отдельности, дали им собственные характеристики. Так, Казахстан: эволюция вопреки вызовам. Т.е., опираясь на стратегическое планирование и политическую волю своего Первого Президента, Казахстан развивается как сильная и открывая экономика. Узбекистан: стабильность ценой стагнации, что означает, что модель государственного капитализма с элементами директивного планирования стала тормозом развития. Туркменистан: добровольная самоизоляция. Во всей «центральноазиатской пятерке» Туркменистан стоит особняком буквально с первых дней обретения независимости. Таджикистан: в

тени гражданской войны: Страна прошла через долгую, разрушительную и бессмысленную войну, но выдержать испытание мирным временем оказалось ничуть не легче. Кыргызстан: катастрофа непродуманной демократии: благие намерения создать из отсталой союзной республики процветающую либеральную демократию отбросили страну на годы назад в развитии.

М.Ларюэль — один из авторов доклада — считает, что в 1990-е годы, сразу после распада Советского Союза, западные страны рассматривали регион как достаточно важный, потому что большие надежды связывались с энергоносителями Каспия и с трансконтинентальной торговлей. Сейчас регион остается очень важным для России и Китая, но его важность для других стран мира и конкретно для Запада уменьшилась, поскольку уменьшилась роль каспийских энергоресурсов по сравнению с 1990-ми годами.

Еще одним фактором стало появление Китая в качестве регионального игрока, что привело к изменению направления транспортных коридоров Центральной Азии в сторону Китая в рамках инициативы «Один пояс — один путь», а не в сторону Запада, как было раньше. Китай во все большей мере ограничивает пространство их экономического суверенитета. А Россия ограничивает стратегическую автономию тех стран, которые становятся членами ее оборонных союзов. Ни та, ни другая из великих держав не угрожают суверенитету государств Центральной Азии, но пространство для маневра на международной арене для этих стран ограничивается.

Спустя три десятилетия после распада СССР вопрос о том, как должна выглядеть оптимальная формула партнерства между Россией и Центральной Азией, по-прежнему далек от окончательного решения. Таким образом, появление в Евразии таких мощных игроков, как Иран, Индия, Пакистан и Турция, не говоря уже о Китае, активизация здесь интересов США и Евросоюза, стремление России сохранить свою историческую сферу влияния содержат как благоприятные возможности для развития, так и мощные вызовы.

Рассматривая вопросы евразийской интеграции, авторы считают, что ЕАЭС и «Один пояс — один путь» — совершенно

разные инициативы как по стратегическим задачам, так и по структуре. «Один пояс — один путь» в реальности представляет собой набор проектов, направленных на обеспечение доставки товаров из региона к международным транспортным коридорам и рынкам. Он является маркетинговым инструментом продвижения Китая в той же степени, что и реальным интеграционным проектом. ЕАЭС направлен на создание нормативного режима, нацеленного на поддержку торговли и в целом экономического взаимодействия между государствами участниками. С этой точки зрения эти две инициативы не конкурируют между собой, но при позитивном развитии событий могут дополнять друг друга.

Появление Китая как важного игрока в Центральной Азии — это новое явление для этого региона в XXI веке. В первые годы независимости стран Центральной Азии китайцы довольно осторожно вели себя и считали, что Центральная Азия — это сфера влияния России и они не могут задеть интересы России. В последние 20 лет они стали более уверенными в своей силе и реализуют свои проекты в регионе, уже не оглядываясь на Россию. В целом странам Центральной Азии удастся вести многовекторную политику. Отчасти потому, что позиции США в регионе ослабли и Запад уже не сильно требует изменить политическую систему стран Центральной Азии, в результате отношения между ними нормализовались.

По мнению японского исследователя Т.Уямы, Россия и Китай стремятся занять более сильную позицию в отношении Запада в глобальном плане, и иметь конфликтные отношения вокруг Центральной Азии в этом контексте обеим странам невыгодно. Поэтому страны Центральной Азии могут иметь хорошие отношения и с Россией, и с Китаем. Пока Китай признает ведущую позицию России в военно-политическом отношении, и Россия признает ведущую позицию Китая в инвестициях и торговле. Хотя путем создания Евразийского экономического союза Россия показала, что в институциональном плане Россия все же имеет большее влияние на страны Центральной Азии, чем Китай.

Как считают авторы, Центральная Азия — регион чрезвычайно удобный и где-то

даже парадоксальный для прогнозирования. Мало кто из серьезных экспертов и специалистов берется предсказать его будущее или хотя бы обозначить траекторию движения за горизонтом среднесрочного взгляда. Но при этом богатейшая палитра событий прошлого и настоящего позволяет выстраивать головокружительные гипотезы, где новый золотой век Центральной Азии через слово соседствует с деградацией, развалом и черной дырой. Совсем недавно, после прихода к власти талибов в Афганистане, в моду вернулись алармистские предсказания. Складывается ощущение, что регион в состоянии справиться с новыми вызовами в сфере безопасности и контртеррористической деятельности.

Д.Тренин, директор и председатель научного совета Московского центра Карнеги, считает, что геополитически Центральная Азия — это одно из связующих звеньев формирующейся Большой Евразии. Она связывает огромный континент как в широтном, так и в меридиональном направлениях. Изолированность региона осталась в прошлом и уже не вернется. Центральная Азия вновь становится хартлендом, сердцем Евразии и мировой экономической активности, заверяют специалисты. Возможно, это предсказание звучит несколько помпезно. Но если отбросить восторженные оценки, мы получим на-гора уникальные геоэкономические данные.

Первая группа прогнозов подразумевает, что Центральная Азия рано или поздно уйдет под влияние мощных соседей. Прежде всего имеют в виду Китай и построение синоцентричного мира. Еще недавно ползучая китаизация региона казалась едва ли не естественным сценарием развития событий. Сначала китайские инвестиции и кредиты, инфраструктура, построенная за китайские деньги китайскими же рабочими и на китайских технологиях. Однако, к удивлению многих экспертов, китайское проникновение в регион в последние годы несколько замедлилось. Другой сценарий потери самостоятельности региона в пользу постсоветской реинтеграции кажется еще менее вероятным. России пока что не удастся сконструировать интересную для соседей модель социально-экономического развития. Впрочем, довольно эффективна евразийская экономическая интеграция, а

взаимодействие в рамках ОДКБ позволяет государствам с большей уверенностью оборонять южные границы. Опять же, в Москве подчеркивают, что в первую очередь заинтересованы в коллективных экономических проектах, рассматривают Центральную Азию и как военный буфер, но ни в коем случае не планируют политическую интеграцию в какой-либо форме.

Одно из больших достижений всех стран Центральной Азии за истекшие 30 лет заключается в выборе независимой многовекторной политики, несмотря на давление традиций, инвестиций или геополитических интересов со всех частей света. Третий сценарий подразумевает разные форматы внутрирегиональной интеграции. Исламизация региона и новый Халифат на землях Центральной Азии — сценарий четвертый, усилившийся после афганских событий или даже раньше, после разгрома ИГИЛ в Сирии и Ираке. Распад региона и всеобщий хаос, к сожалению, все еще один из сценариев, в том числе по социально-экономическим причинам. Данный сценарий, опять же, может стать следствием разве что большой катастрофы, затрагивающей огромные геополитические пространства.

За 30 лет Центральную Азию ожидают четыре важнейших преобразования. Население должно перейти из сельского типа к городскому. Ресурсная экономика должна стать диверсифицированной. Управленческая модель превратится из командной в рыночную. А политические и общественные институты станут инклюзивными и подотчетными. В таком случае регион ожидает бурный экономический рост.

В заключение авторы проекта отмечают следующее. Несмотря на слабые стартовые позиции среди постсоветских стран, развал социальных и управленческих систем, нестабильность 1990-х, молодые государства Центральной Азии отстаивали свой суверенитет и независимость, провели, хоть и с разным успехом, необходимые реформы. Эти страны смогли преодолеть волну глобализации и с разной степенью эффективности извлекли из нее бонусы для стабилизации собственных экономик и их дальнейшего развития. А перспективы следующих десятилетий у них хотя и не безоблачные, но вполне внушающие

оптимизм. Скорее всего, страны Центральной Азии смогут, используя открывающиеся возможности, через 30 лет стать еще более важной и даже незаменимой частью глобальной экономики, – заключают авторы проекта.

Laruelle Marlene (ed.) COVID-19 Pandemic and Central Asia. Crisis Management, Economic Impact, and Social Transformations. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2021. – 165 p.

В самый разгар пандемии коронавируса хорошо известная нам проектно-исследовательская группа по нашему региону во главе с Марлен Ларюэль подготовила издание, посвященное кризисному менеджменту, экономическим и социальным последствиям этого события в Центральной Азии. Исследование интересно тем, что рассматривает данный процесс в международном контексте. В первой части изучается влияние эпидемии и ее последствий на процесс евразийской интеграции, отношения стран ЦА с КНР, место постковидной Центральной Азии в процессе китайско-американского соперничества, роль таких международных организаций как ШОС и ОБСЕ по борьбе с эпидемией КОВИД-19. Вторая часть охватывает проблематику, связанную с организационными усилиями местных правительств по противодействию распространению эпидемии. Исключение из пяти государств региона составляет Туркменистан ввиду практически полной информационной закрытости в этой области. Третья часть рассматривает в основном социальные и социально-экономические последствия распространения пандемии, включая лом-

ку прежних общественных отношений, миграционную политику и гендерные отношения.

Tüysüzöğlü Göktürk, Özkan Arda (eds.) Conflict Areas in the Caucasus and Central Asia. – New York, London: Lexington Books, 2022. – 468 p.

Уже в нынешнем 2022 году увидела свет коллективная монография «Конфликтные ареалы на Кавказе и в Центральной Азии» под ред. турецких экспертов Г.Тюйсюзоглу и А.Озкана. Работы подобного рода характерны в целом для турецкой политологии, т.к. отражают внешнеполитические интересы Анкары к двум ключевым для нее регионам. Россия и Китай (вступивший на путь геополитического освоения Евразии) вызывают очевидные опасения у Турции своими «гегемонистскими устремлениями». Поэтому Анкара уделяет пристальное внимание потенциальным и реальным внутривнутриполитическим конфликтам в этих державах (Северный Кавказ в РФ и СУАР в КНР). Интересуют Турцию, как и раньше, богатые природные ресурсы Центральной Азии, обреченной быть замкнутой в сердце континента, и которой только Турция способна открыть путь из ловушки «лэнд-локд». На Кавказе, отмечают эксперты, Турция может более или менее свободно действовать только в Закавказье, в то время как Северный Кавказ заблокирован для турецкого влияния после умиротворения Чечни и других автономий.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 28 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

